

В горле чувствовались горечь и сиплость, словно оно было охвачено огнём.

Тело, однако, очень холодное, словно его закопали в снег, невольно время от времени дрожало, вызывая боль.

Чьё лицо такое красивое?

Взгляд ярких и одухотворённых глаз, словно острые стрелы проникает в сердце, к тому же внезапно может стать мягким, будто весенние воды, вызывая несказанную теплоту и сладость.

Это Юн Шань...

Юн Шань, ты ведь знал?

Я выкрал письмо Гун Ухуэя.

Я сжёл его...

Нет, я не хотел вредить тебе.

Нет!

От запутанного кошмара Юн Ци проснулся. Юноша внезапно открыл глаза и, придя в смятение, беззвучно начал задыхаться.

Стоящие у кровати слуги тотчас же встревожились:

— А! Ваше Высочество проснулся!

— Юн Ци! Ты проснулся? Тебе уже лучше? Милый сынок, где-нибудь болит?

Долетавший будто издалека звук жужжал и сотрясался в перепонках, не позволяя различить говорящих.

Юн Ци с трудом повернул голову, старательно напрягая зрение, смутные очертания постепенно стали проясняться, и вскоре в глазах отразилось до боли знакомое лицо.

— Матушка? — Юноша растерянно смотрел на сидящего перед ним на кровати человека. Спустя долгое время Юн Ци с горечью прошептал: — Это... Холодный дворец?

Преступление было раскрыто.

Юн Шаню было всё известно, а теперь его даже Юн Линь презирает.

Лучше уж быть запертым в Холодном дворце, чем во Дворце Наказаний.

Это... это заслуженное наказание.

— Ваше Высочество со вчерашнего дня не просыпался. Государыня сильно перепугалась. — В стороне стояла знакомая девушка, которая была приближённой служанкой наложницы Ли — Цин И. — Ваше Высочество, может, действительно от болезни сбит с толку. Разве в Холодном дворце так тепло и чисто? Вы внимательнее присмотритесь, это Ваша бывшая резиденция.

— Моя бывшая резиденция? — Ничего не понимающий Юн Ци почти всё осознал и осмотрелся.
— Это не дворец наследного принца?

Наложница Ли, которая присматривала за спящим сыном, встревожилась, увидев, что Юн Ци наконец-то проснулся: большая часть тайных забот была отпущена, счастливое лицо хоть и было измождённым, однако в глазах читалась радость. Поглаживая достаточно сильно истощённое лицо, женщина с лёгкой улыбкой проговорила:

— Это дворец наследного принца. Разве это не твоя бывшая резиденция? Сейчас хозяин вновь вернулся. Милый сынок, ничего не бойся, над нашей головой, матери и сына, нависло счастье. Пока ты болел, во дворце небо перевернулось и земля опрокинулась [1]. Юн Ци, ты не напрасно страдал, во всяком случае мы всё пережили.

Юноша замер, ни с того ни с сего его сердце ёкнуло.

Он повернул голову, осмотрелся и дрожащими губами спросил:

— Кто хозяин? Кто снова вернулся? Это дворец наследного принца. Это резиденция нынешнего наследного принца Юн Шаня. Как я могу быть его хозяином? Где Юн Шань? Почему его не видно? Матушка, Вы изначально были в Холодном дворце, как Вы вышли оттуда?

Цин И, заметив, что вопрос юноши звучит не так, больше всего боялась, что наложница Ли разозлится, поэтому спешно с улыбкой прошептала:

— Ваше Высочество, большая радость: император вчера провозгласил милость, и государыню сразу же выпустили из Холодного дворца, восстановили в титуле, а обвинения с Вашего Высочества также были сняты. Во дворце государыни никто долгое время не жил, и за короткое время там не навести порядок, поэтому император вновь издал указ, пожелав государыне и Вашему Высочеству временно пожить во дворце наследного принца. Также Его Величество обеспечил Вас средствами на повседневные расходы, придворными служанками,

всё согласно рангу наследного принца. Говорят, что двоюродный брат Вашей матушки также выпущен на свободу и вновь служит чиновником. Это действительно большая милость, а благосклонность императора широко растеклась. Ваша служанка поздравляет Ваше...

— Ошибка!

— Ваше Высочество?

— Ошибка! — Юн Ци словно внезапно пришёл в себя и, сев на край кровати, решительно проговорил: — Отец-император возвёл Юн Шаня в ранг наследного принца. Как я могу получить привилегии наследного принца? Если он узнает, разве он не будет ненавидеть меня?

Озвучив до конца предложение, юноша почувствовал, как сердце разрывается от тоски, на тонком и красивом лице появился оттенок страдания.

Наложница Ли, держа его худое тело в объятиях, мягко проговорила:

— Юн Ци, не бойся. Юн Шань сотворил много зла и от карающей руки закона не скрылся. Твой отец-император уже издал указ, заключил его во Дворце Наказаний, и сейчас Юн Шань беспомощен. Где уж тут у него ещё возникнет желание ненавидеть тебя?

Юн Ци внезапно задрожал и с силой высвободился из рук наложницы Ли:

— Матушка, что Вы сказали?

Цин И вместо наложницы Ли спешно ответила:

— Ваше Высочество, государыня только что сказала, что наследный принц Юн Шань уже заключён во Дворце Наказаний, и третий сын императора Юн Линь тоже заперт там. Согласно этой ситуации через несколько дней император издаст указ, в котором разжалует наследного принца.

Юноша был потрясён и, надолго застыв, оцепенело посмотрел на Цин И так, словно увидел нечистую силу, и непрерывно закачал головой, бормоча:

— Нельзя... Нельзя... Нельзя!

В губах не осталось ни кровинки.

— Ваше Высочество, это правда. — Цин И знала, что его тяжёлая болезнь не проходила. Боясь напугать его, она понизила тон и медленно проговорила: — Юн Шань и Юн Линь уже

заключены во Дворце Наказаний, и то же касается наложницы Шу. Государь уже издал указ схватить её и держать под арестом в её же дворце. Теперь ей запрещено делать даже шаг за порог, Его Величество оборвал все связи, и новости не доходят до неё. Ваше Высочество, император вновь благоволит Вам. Это воля Неба, Вы должны быть радостным за себя и за государыню.

Юн Ци даже затаил дыхание.

Сидя на кровати, юноша переводил взгляд с наложницы Ли на Цин И, а затем посмотрел в другую сторону так, словно ничего не видел.

Спустя долгое время, сделав два глубоких вдоха, Юн Ци будто вернул себе рассудок и, открыв рот, спросил:

— Почему?

— Ваше Высочество?

— Почему Юн Шаня заключили во Дворец Наказаний? — Юноша поднял голову и взглянул на наложницу Ли. — Это имеет какое-то отношение к секретарю императора Гун Ухуэю и тому письму?

В глазах промелькнуло осуждение.

Юн Ци до сих пор был мягким, милосердным, почтительным и вежливым к наложнице Ли, однако на этот раз, когда он был во власти болезни, исхудавший, увядший, его взгляд был острым, никто не осмеливался пристально на него смотреть.

Мать от взгляда сына в душе вздрогнула, но, несмотря на это, осталась непреклонной. Её лицо, естественно, стало холодным, и, не скрывая этого, она обратилась к Юн Ци:

— Тебе неизвестно? Смерть Гун Ухуэя в императорской тюрьме была странной. Юн Шань был единственным, кто тайно беседовал с ним перед смертью. Гун Ухуэй уже однажды написал письмо, где помешал наложнице Шу возвестись в ранг императрицы. Всё это объединили, и император засомневался, что Юн Шань убийца, поэтому он не заслуживает нареканий. Кроме того, что имеется достаточно доказательств, что между ним и Гун Ухуэем не было ненависти, тайная встреча не несла в себе дурных намерений, иначе не так легко было бы освободиться от оков.

— То письмо...

— Разве ты не сжёл его? — наложница Ли перебила Юн Ци. Разница между её мягким сыном и ею, упрямой и смелой наложницей, была в сто восемь тысяч ли. Женщина расстроилась и

разозлилась и, не сдержавшись, холодно проговорила: — Я никогда не хотела, чтобы он жил. Но неожиданно ты оказался лучше меня. Мёртвые не свидетельствуют, а письмо уже давно превратилось в пепел. Ты не разрешил мне навредить ему, оказывается, ты собственными руками хотел причинить ему зло.

Эти слова потрясли юношу до крайности.

Лицо Юн Ци сразу стало бледнее, чем бумага, а шаткое тело словно в любой момент могло испустить дух.

Цин И, беспокоясь, что может случиться несчастье, втиснулась в разговор, чтобы смягчить атмосферу, и сказала:

— Ваше Высочество на самом деле не такой, лишь окружающий мир непостоянен. В императорском дворце такого избежать невозможно, и лишь государь окончательно решит судьбу подданного. Ваше Высочество, только спокойствие лечит, через несколько дней император подарит своё расположение Вашему Высочеству и вновь возведёт в ранг наследного принца, и кто знает, Ваше Высочество, может быть, замолвит словечко и сохранит ему жизнь, так же как и братские чувства.

Юн Ци словно не слышал сказанных слов Цин И, его тело сильно дрожало. Юноша использовал все силы, чтобы овладеть собой и успокоиться. Затем он вздохнул и, понизив голос, проговорил:

— Я хочу увидеться с отцом-императором.

Его тон был на удивление решительным.

Красивые глаза наложницы Ли слегка сощурились, а сама женщина со злостью проговорила:

— Увидев твоего отца-императора, что ты хочешь ему сказать? Всё возьмёшь на себя? Скажешь отцу-императору, как я приказала тебе украсть письмо? Скажешь ему, как ты, украв его, сжёг в печи? Юн Ци, почему ты сжёг письмо? Кстати говоря, это всё из-за постыдных дел, что были между тобой и Юн Шанем. Хорошо, возьми всё, что знаешь, и пойдешь, расскажи своему отцу-императору, я хочу посмотреть, какое же решение примет Его Величество: выпустит ли Юн Шаня на свободу или же отправит вас, двух ненормальных сыновей, во Дворец Наказаний! Ты... ты... — Слеза медленно скатилась по щеке. Указывая на Юн Ци, женщина, задыхаясь от слёз, проговорила: — Иди, иди! У меня нет такого сына! Давай, встречайся с отцом-императором, незачем заботиться обо мне и даже о твоём дяде. В крайнем случае все вновь вернутся в места заключения, где света белого не видно.

Цин И, также испугавшись и испытывая тревогу, стояла рядом и уговаривала:

— Ваше Высочество, в любом случае трижды подумайте, это не детские шутки, это дело государственной важности. Жизнь и смерть в императорском дворце, как и воля Небес, сложно измеримы. Вы и государыня с большим трудом дошли до конца. Драгоценная императорская семья при одной малой небрежности в одну минуту превратится в величайшее бедствие...

— Я хочу увидаться с отцом-императором. — Лицо Юн Ци было бледным, лишь щёки заливал ярко-красный румянец, который являлся крайне неблагоприятным при тяжёлой болезни. Его состояние духа было решительнее, чем когда-либо. Юноша, глядя в упор, лишь твёрдо смотрел вперёд, словно уже ни с чем не считался. Закусив нижнюю губу, Юн Ци отчеканил: — Я уже оправдан и являюсь старшим сыном императора. Всё же Его Величество лично возвёл меня в ранг князя Наньлинь. Даже если Вы, матушка, не разрешите, Ваш сын всё равно добьётся аудиенции.

Смотря на него такого, даже наложница Ли вздрогнула от страха. Женщина глубоко раскаивалась, что своими словами лишь разгневала сына. Однако было ощущение, что кто-то подменил Юн Ци на совершенно другого человека.

В данную минуту нельзя было действовать опрометчиво.

Наложница Ли повернулась и с деланной улыбкой сказала:

— Ты прав, ты являешься сыном императора и если хочешь увидаться с Его Величеством, то никто не в силах тебе помешать. Но прежде чем прийти к императору, побеседовать и уйти, во всяком случае нужно получить согласие на аудиенцию, вот тогда будет хорошо. Ты сейчас болен, и тебе нельзя двигаться, матушка отправит человека, чтобы он вместо тебя пошёл и спросил. Если государь даст разрешение, то ты тотчас же отправишься, чтобы справиться о его здоровье и выполнить сыновний долг.

Обернувшись, женщина приказала Цин И:

— Ты лично отправишься во дворец императора. Спроси У Цая, когда государь сможет дать аудиенцию Юн Ци.

Девушка отозвалась и тотчас же скрылась за дверью.

Юн Ци шёпотом проговорил:

— Матушка одурачила поглупевшего от болезни меня? Как Цин И от моего имени сможет справиться с этим делом? Я сам пойду. — Отбросив одеяло, юноша уже собирался встать с постели.

Наложница Ли спешно преградила дорогу и быстро проговорила:

— Юн Ци, что ты делаешь? Ты действительно с ума сошёл? Скорей приляг!

— Ты дурачишь меня! — Горло Юн Ци внезапно дёрнулось. — Вы всё дурачите меня и дурачите! — Крича, юноша встал с постели.

Женщина и ещё один слуга обхватили его. Цин И спешно вернулась и, двумя руками помогая сдерживать юношу, непрерывно заговорила:

— Ваше Высочество, Ваше Высочество, образумьтесь! Вы сбиты с толку, Ваше Высочество, государыня является Вашей родной матерью. Ваше Высочество, не нужно запугивать нас...

С помощью Цин И наложница Ли крепко обняла Юн Ци и, увидев, что сын обезумел и поглупел, испугалась. Крепко держа юношу в руках, женщина дрожащим голосом проговорила:

— Юн Ци, милый сынок, хватит, у матушки не было иного выхода. Впредь матушка не будет тебя дурачить, больше никогда не обманет тебя...

Но юноша словно не слышал и, по-прежнему находясь в безумии, боролся изо всех сил:

— Я не верю! Я не верю! Вы причиняете вред! Зачем Вы причиняете вред?

Внезапно юноша остановился.

Безрассудно остолбенев на мгновение, Юн Ци вновь резко стал вырываться и, запрокинув стройную белую шею, печальным голосом проговорил:

— Я причинил зло человеку! Я причинил зло человеку! Юн Шань, это я навредил тебе! Юн Шань, Юн Шань, это я навредил тебе! Младший брат! Младший брат! Я навредил тебе!

Голос звучал надрывно, разрывая сердце.

Наложница Ли, которая всё же была связана с Юн Ци, возненавидела его дурное поведение. Только что её сын, глядя на неё, кричал так, что разбивал сердце, а впоследствии из уголка рта потекла тонкая шелковинка крови. Держа в руках дрожащего юношу, женщина упорно умоляла:

— Не надо кричать, дитя моё, умоляю тебя, не нужно кричать. Ты же не хочешь собственной смерти?

Цин И, поняв, что наложница Ли тоже в растерянности, сейчас только и могла, что полагаться

лишь на себя. Она, наоборот, успокоилась, обняла узкие плечи наложницы Ли и тихим голосом проговорила:

— Государыня, Его Высочество крайне изумлён, вот и лишился рассудка. Так крича, он, конечно, может подорвать силы, только сейчас слишком поздно звать придворного лекаря. Сначала позвольте Его Высочеству выпить успокаивающий душу порошок. Это позволит ему немного расслабиться и поспать, а потом вновь вернётся к этому разговору.

Главное, чтобы Юн Ци лёг спать, а про дело о письме никто чужой не должен был знать. Это был ещё один повод держать язык за зубами.

С помощью служанки наложница Ли вспомнила это и спешно проговорила:

— Скорее! Возьмите успокаивающий душу порошок!

Как только Юн Ци заболел, Цин И тотчас же ставила на стол ящичек с разного рода лекарствами, что часто использовала.

Женщина спешно подошла, взяла и открыла успокоительный порошок. Она боялась, что юноша просто так его не выпьет, поэтому лучшим решением было взять бутылку с чистой водой и растворить там лекарство, после чего женщина вылила содержимое в стеклянную чашечку и подала.

Увидев пиалу с водой, где был растворён порошок, Юн Ци стал ещё сильнее вырываться и, обезумев, реветь и кричать:

— Я не выпью! Я хочу увидеться с отцом-императором! Я хочу увидеться с отцом-императором! Я хочу спасти Юн Шаня! Тот, кто должен отправиться во Дворец Наказаний — это я! И сдохнуть тоже должен я! Это я выкрал письмо! Это я сжёг письмо Гун Ухуэя! Это я навредил Юн Шаню...

Увидев, что он всё ещё шумит, наложница Ли побледнела от ужаса:

— Юн Ци, что за вздор ты несёшь?

Находящаяся напротив Цин И проговорила:

— Скорее, напоите его!

Примечания:

[1] Обр. в знач.: а) колоссальные перемены б) полный хаос, всё вверх дном.

<http://bllate.org/book/13372/1189613>